

УДК 82-311.1
DOI 10.17223/18137083/67/23

Е. В. Швагрукова

Томский политехнический университет

**Экзистенциальный опыт эшафота
в романе Ф. М. Достоевского «Идиот»**

Рецензия на книгу:

**Новикова Е. Г. «Nous serons avec le Christ».
Роман Ф. М. Достоевского «Идиот»: Моногр.
Томск: Изд-во Том. ун-та, 2016. 244 с.**

Рецензируемое издание представляет современное актуальное исследование романа Ф. М. Достоевского «Идиот», в котором предложена оригинальная концепция прочтения классического художественного произведения. Текст романа анализируется сквозь призму автобиографического опыта писателя, пережившего ситуацию смертной казни. История реальной, но не сбывшейся казни и последующей ссылки актуализирует категорию возвращения, понимаемую как христианское воскресение для новой жизни. Используя метод дискурсивного анализа текста, Е. Г. Новикова детально изучает явление экфрасиса, а также выявляет интертекстуальные литературные связи в романе.

Ключевые слова: достоевсковедение, Ф. Достоевский, роман «Идиот», экфрасис.

В современном достоевсковедении роман «Идиот» остается на лидирующих позициях по степени интенсивности его изучения, являясь одним из наиболее сложных текстов с точки зрения герменевтики. Широкое поле для интерпретаций позволяет филологам применять различные литературоведческие подходы в попытках приблизиться к истине, однако при наличии огромного массива работ, посвященных данному произведению, чрезвычайно трудно сформировать свою собственную оригинальную, авторскую концепцию прочтения и понимания романа. Е. Г. Новиковой, это, безусловно, удалось.

Смысловой доминантой в монографии Е. Новиковой становится реальная ситуация смертной казни, которую пришлось пережить писателю: «“Идиот” уникален тем, что в него введена автобиографическая история смертной казни Достоевского и экзистенциальный опыт эшафота является “пра-мыслью”, “прообразом” этого произведения» (с. 6). Именно тематика смертного приговора, казни, потенциальной близкой смерти и внезапного воскресения позволяет сблизить роман

Швагрукова Екатерина Васильевна – кандидат филологических наук, доцент отделения иностранных языков Томского политехнического университета (просп. Ленина, 30, Томск, 634050, Россия; shvagrjukova@tpu.ru)

ISSN 1813-7083. Сибирский филологический журнал. 2019. № 2
© Е. В. Швагрукова, 2019

с христианской проблематикой земных страданий и пути Иисуса Христа, хотя количество евангельских текстов, непосредственно присутствующих в произведении в виде реминисценций, прямых и скрытых цитат, мало по сравнению с другими романами Пятикнижия.

В монографии изначально задается широкий культурологический контекст, причем используется не только литературный материал (эпистолярный и воспоминания), но и внелитературные факты. Так, приводятся воспоминания актера И. М. Смоктуновского, филолога А. С. Янушкевича, священника Николая (Епишева) о спектакле «Идиот», поставленном Г. А. Товстоноговым в БДТ, и непосредственно о роли князя Мышкина. Творческая задача была решена актером лишь после знакомства с человеком, вернувшимся после сталинских репрессий из лагеря. В романе князь Мышкин возвращается из-за границы на родину, как сам писатель возвращается из Сибири после долгих каторжных лет – возвращается к новой жизни, с новыми идеалами и новым пониманием собственного предназначения. «*Nous serons avec le Christ*», – говорит Достоевский на эшафоте, готовясь к смертной казни, мысленно уже пережив ее, как рассказывал он Е. П. Летковой (Летковой-Султановой) (с. 9). Это позволяет Е. Г. Новиковой сопоставить путь писателя, по аналогии с его героем, князем Мышкиным, с земным путем Иисуса Христа, проследить реализацию замысла романа, начиная с его зарождения и стремления «нарисовать лицо приговоренного» (с. 24) и заканчивая образом «Христос и ребенок».

В основе создания романа «Идиот» исследователь обнаруживает следующий художественный принцип: «копия – вариация», причем «все земные «копии» «смирненно восходят к высшей реальности мучений и казни Иисуса Христа» (с. 50), в связи с чем подробно обсуждается мотив двойничества и зеркала как его порождения.

В качестве наиболее адекватного способа чтения произведения исследователь использует метод дискурсивного анализа, опираясь на труды таких структуралистов и постструктуралистов, как Ю. М. Лотман, Р. Барт и Ж. Деррида. Особое внимание уделяется конструкции «текста в тексте», что позволяет автору сделать следующее утверждение: на смысловом уровне роман «Идиот» гораздо шире своего сюжета, благодаря так называемым лирическим отступлениям писателя, традиция которых восходит к роману в стихах «Евгений Онегин» А. С. Пушкина.

Чрезвычайно интересен раздел монографии, посвященный экфрасису, его месту и функционированию в тексте романа. Исследователь, выявляя специально организованный экфрастический живописный дискурс, указывает, что данный экфрасис в романе не случаен – он обладает зеркальной сущностью и функцией удвоения либо отражения реальности. Разноуровневая классификация Е. В. Яценко позволяет обнаружить многочисленные примеры экфрасиса, однако наиболее важными становятся лишь пять эпизодов – пять значимых примеров живописного экфрасиса. Это – картина о «лице приговоренного» (в словесном описании князя Мышкина), фотографический портрет Настасьи Филипповны, портрет отца Парфена Рогожина, копия картины Ганса Гольбейна-мл. «Мертвый Христос» и картина, изображающая Иисуса Христа и ребенка (в словесном описании Настасьи Филипповны). Анализируя бытование экфрасиса в романе, Е. Г. Новикова тонко отмечает его эволюцию. Так, несмотря на очевидное различие и в материалах, и в композиции, первые четыре картины в авторском восприятии Достоевского являются портретами, отражающими страдание человека. Причем известную картину Ганса Гольбейна-мл. писатель интерпретирует по-своему, в парадигме казни и снятия с креста после мученической смерти, а не в традиционном понимании тотального одиночества и физической смерти. Далее живописный дискурс смертной казни и страдания сменяется финальной картиной, дающей человечеству надежду, где Христа сопровождает ребенок – будущий продолжатель его учения.

Здесь, по мысли исследователя, Достоевский стремится к разрушению живописного канона и создает собственный образ Христа.

Помимо смерти, личный опыт Достоевского, реализованный им в романе, включает в себя и вариацию воскресения, причем двойного: первое произошло, когда было объявлено об отмене смертной казни, а второе свершилось с возвращением писателя из ссылки. Важную роль в судьбе Достоевского играет духовное сближение с кругом декабристов, возвращение из Сибири которых почти совпадает с жизненными обстоятельствами самого писателя.

Е. Г. Новикова прослеживает дальнейшую реализацию мотива возвращения в литературе русской эмиграции первой волны XX в., в чем, безусловно, проявляется новизна исследования. Работы Д. С. Мережковского и А. М. Ремизова указывают на следующий факт: русские писатели-эмигранты XX столетия воспринимали вынужденное четырехлетнее пребывание Достоевского в Европе как своего рода эмиграцию, что, с их точки зрения, отразилось в тексте «Идиота», где весь сюжет романа – лишь сон князя Мышкина.

Особого внимания заслуживает фрагмент монографии, представляющий анализ драмы в стихах В. В. Набокова «Дедушка» (1923). Е. Г. Новикова актуализирует малоизученное произведение Набокова на основании тематической близости драмы и романа, которая становится очевидной в контексте размышлений о смертной казни. В драме «Дедушка», как и в романе «Идиот», представлен рассказ персонажа о казни на эшафоте и неожиданном спасении: «Фактически этот текст Набокова – копия и вариация дискурса смертной казни Достоевского в “Идиоте”» (с. 135) – наблюдение, безусловно, очень меткое, тем более что обращение к поэзии Набокова вводит тему расстрела как «несбывшейся казни». Также здесь реализован мотив двойничества, поскольку, по мнению Е. Г. Новиковой, название набоковской драмы непосредственно отсылает читателя к поэме Некрасова «Дедушка» (1870), посвященной вернувшемуся из ссылки декабристу. Литературный диалог Набокова с произведениями XIX в., во-первых, указывает на вектор чтения романа «Идиот» в русской эмиграции первой волны XX в., а во-вторых, отсылает к теме возвращения как началу абсолютно новой жизни.

Роман Ф. М. Достоевского «Идиот» предстает в исследовании Е. Г. Новиковой в широкой культурно-исторической парадигме, в контексте многочисленных интереснейших, подчас неожиданных литературных связей и вместе с тем прочитывается в наиболее важной для писателя экзистенциальной логике – логике преодоления смерти и приближения к пониманию личности Иисуса Христа.

E. V. Shvagrucova

Tomsk Polytechnic University, Tomsk, Russian Federation, shvagrucova@tpu.ru

Existential experience of scaffold in the novel “The Idiot” by F. M. Dostoevsky

Novikova E. G. “Nous serons avec le Christ.” Roman F. M. Dostoevskogo “Idiot.” Monogr. Tomsk, TSU Publ. 2016, 244 p.

The publication under review presents a current study of the novel “The Idiot” by F. Dostoevsky, where an original interpretation concept of classic fictional work is introduced. The text of the novel is analyzed in terms of the autobiographical experience of the writer, having overcome the situation of capital punishment. The story of a real, but not accomplished execution brings up to date the category of return, which is understood as Christian resurrection for a new life. Using the method of discourse analysis, E. Novikova studies the phenomenon of ecphrasis in detail as well as reveals intertextual literary links in the novel.

Keywords: Dostoevsky studies, F. Dostoevsky, novel “The Idiot,” ecphrasis.

DOI 10.17223/18137083/67/23